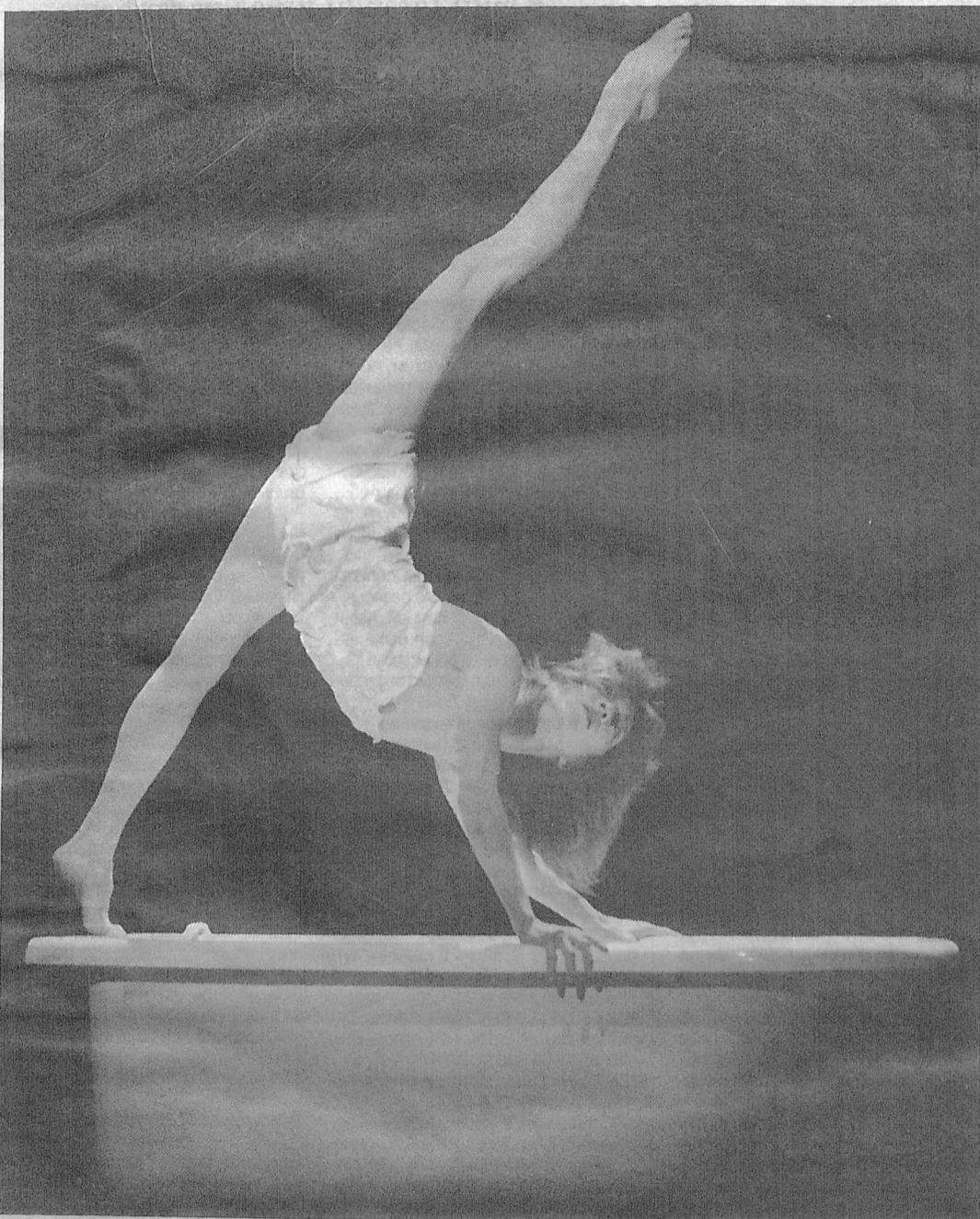

Золотая рыбка Сакико Ошима

Гастроли танцевальной труппы из Страны восходящего солнца

Сцена из спектакля "Весна священная"

Высоких технологий страну Японию отнюдь не назовешь державой современного танца, лихорадящего развитые европейские страны не один десяток лет кряду. В Японии нет профессиональных школ, обучающих современному танцу, нет разветвленной системы танцевальных трупп, исповедующих веру contemporary dance. Есть, правда, уникальные компании, работающие в танцевальном стиле буюто, которые в представлении европейцев и являются аналогом современного танца на японский манер. Но буюто европейцы не трогают – этот стиль можно примерить, но трудно присвоить: природа движения в буюто философична, и на стыке двух мировосприятий – западного и восточного – вездесущие труппы современного танца включают тормоза, ибо любое подражание искусственным в буюто японцам попахивает дилеттантизмом.

Но и японцы, кажется, совсем не стремятся сдирать кальку с contemporary dance à la Europe, предпочитая в искусстве современного танца двигаться самостоятельно. Сакико Ошима, создатель и художественный руководитель труппы H.Art Chaos, выступления которой были организованы в Москве Государственным театром Наций и Японским фондом, ничтоже сумняшеся объявляет, что нигде не училась искусству балетмейстера, что практически не видела выступлений европейских трупп современного танца и что использует в постановках исключительно собственный опыт танцевания, отсчет которому ведет с семилетнего возраста. Да и само название труппы, придуманное Ошима в соавторстве с ее первой танцовщицей Наоко Ширакава, претендует на авторский путь и в переводе звучит приблизительно как рождение танца из духа... хаоса.

Но "хаос" у Ошима выстроен со свойственной всему японскому технологической точностью, а природа движения, превращенного в хореографические композиции, зиждется на имманентно присутствующем японцам умении "раздвигать" пространство до того мистического

"Н", которое значит в самом начале названия H.Art Chaos.

"Н" – это "heavens", а "heavens" – это "рай", "небеса".

В основе спектакля "Miserere" ("Мольба") – сюжет предполагаемый и практически не известный ни создательнице, ни пятерым исполнительницам маленького балета. "Жизнь после жизни", или "Черный коридор", хрупкая грань ухода, взорванная нежеланием уходить из бренного мира и оборванная смирением как светом в конце тоннеля. Посередине сцены три большие койки, на которых поочередно, как на маленьких сценах, танцуют девушки-призраки. Изголовья чем-то напоминают надгробия, но со сменой искусно подобранных звучаний из Арво Пярта, Сергея Рахманинова и Эдварда Элгара скоро становится понятно, что это и не кровати, и не надгробия, а "метки" движения отсюда – туда: ад, чистилище, рай. Танцовщицы меняются местами, изображая ипостаси одной, главной героини, которой и назначено пройти главный путь. Имя протагонистки – Наоко Ширакава.

Наоко Ширакава умеет не просто оставить на сцене след движения, раздвинув пространство, намеренно ограниченное чередой пратикаблей, она умеет этому пространству подчинить и зрительское восприятие. Зрительный нерв волшебным образом перестает реагировать на поставленные вокруг сцены стенки и в конечном итоге подчиняется некоему астральному свету, исходящему от уходящей дальше и дальше человеческой фигуры. Зрителя зовут в "Н", но перед самым его порогом задвигают занавес.

А раздвигая его во второй раз, лоб в лоб сталкивают все с той же Наоко Ширакава, чтобы пройти другой путь: отсюда – сюда. В сущности, поставленная Ошима "Весна священная" на музыку Игоря Стравинского, – это очень простая история о потерянном "Н" и о невозможности жить в мире, ставшем враждебным, плоским, бескрасочным. Мы застаем героиню в тот момент, когда выбор сделан и

до того, как она вскроет вены, остаются считанные минуты. Эти минуты становятся хаосом самопознания и осознания того, что жизнь кончена. Снова мистическая игра с пространством. Призраки, кои в первой части казались плакальщицами, уже враждебные, смахивающие на демонов-искусителей, летают на лонжах и катаются под свисающими с колосников сцены стульями. Потом раскачивают их вокруг завихрившейся на лонже героини, подвигая ее к последней черте. Героиня – сама и жертва, и палач – утопает в финальных лучах кровавого цвета. Есть ли за ним еще один путь, еще один "коридор" – остается вопросом.

Высоких технологий страна, Япония однажды запатентовала милый пустячок, секрет которого произвел впечатление на весь бренный мир едва ли не больший, чем новый робот или нечто подобное. В пивную банку, без воды, японцы "заточили" золотую рыбку. Купившему сувенир оставалось банку открыть и выпустить рыбку – живую и невредимую – в аквариум с водой. Как она там, в жестянке без воды, существовала – одному Богу известно.

Японцы, владеющие многими секретами и чудесами, отправили живую тварь в "черный коридор" и достали ее оттуда точно такой же живой тварью. Что чувствовала рыбка – никто не знает.

Что чувствует человек и есть ли у него хоть один-единственный шанс отправиться на небеса, чтобы посмотреть оттуда на грешную землю, не знают даже японцы. Но они об этом думают не только на технологическом уровне. Они стремятся это осмыслить на уровне искусства, танцевального в том числе. И на этой территории рождаются открытия – ничуть не менее значительные. Тут, что называется, и рыбка живет, и человек страждет. Приглядеться бы.

Сергей КОРОБКОВ

Фото Оксаны СТАРИКОВОЙ

("Столичная вечерняя газета")